

Подосинов А.В.

Был ли Овидий в ссылке?

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3516>]

[Публикация работы:]

Подосинов А.В. 2014: Был ли Овидий в ссылке? // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 9, 263-268.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

А.В. Подосинов

БЫЛ ЛИ ОВИДИЙ В ССЫЛКЕ?

Проблема «Овидий в ссылке» особенно близка мне потому, что ей была посвящена мой кандидатская диссертация, опубликованная в 1984 году¹ и переведенная на немецкий язык²; также мною изданы тексты, перевод и комментарий к «понтийским» произведениям Овидия³. Почти одновременно с выходом моих книг в Москве и Германии на Западе стала разрабатываться теория, главным пунктом которой было утверждение, что Овидий вовсе не был в ссылке в Томах на Черном море, а провел 10 последних лет своей жизни в Риме, не выезжая из него. Все произведения этого периода («Печальные элегии», «Письма с Понта», «Ибис») были будто бы написаны Овидием в Риме и носят фиктивный характер, как и предшествовавшие им «Послания героинь». Основаниями для такого умозаключения являются главным образом два обстоятельства – полное молчание о ссылке Овидия среди современников поэта и противоречивые и неправдоподобные описания им местного климата и условий жизни. Вывод, который должен был бы следовать из этих рассуждений для историка Причерноморья, – сочинения Овидия не имеют источниковой ценности очевидца, поскольку многие историко-этнографические сведения были взяты им из вторых рук и неоригинальны.

Эта скандальная теория имеет немного адептов, но ее парадоксальность и новизна обратили на себя внимание многих антиковедов-любителей и специалистов⁴, поэтому стоит о ней немного поговорить.

¹ Подосинов 1984: 8–178.

² Podossinov 1987.

³ Подосинов 1985.

⁴ См. критический разбор этой теории в: Claassen 1986: 27; Ehlers 1988: 154–155; Chwalek 1996: 28–31; Little 1990: 23–39.

Насколько я знаю, серьезно эта теория заявила о себе в 1985 г. с публикацией ливерпульского историка А.Д. Фиттона Брауна⁵. Затем эту теорию подхватил немецкий историк, работавший тогда в Голландии, Х. Хофманн⁶.

Парадоксальным образом, моя немецкая книга должна была стать основанием для выводов «скептиков». По признанию Хофманна, он, зная о скором выходе в свет книги, специально дождался ее публикации, чтобы не проделывать снова всю мелкую источниковедческую работу, долженствующую доказать фиктивность исторической информации Овидия. И действительно, после выхода в свет книги, публикации Хофманна в большой степени стали базироваться на моих материалах, при этом практически перечеркивая мой труд, – какой же Овидий источник по истории Причерноморья, если он там не был?!

Для такого использования моей книги были определенные резоны.

В своих работах я критически отнесся к тому тезису, принятому в советской, болгарской и румынской историографиях, что Овидий в своих «ссылных» произведениях становится реалистом, правдивым и достоверным источником по истории места своей ссылки. Этот тезис побуждал исследователей относиться к каждому высказыванию поэта как к истинному, а для румынских ученых, рассматривавших Овидия как первого национального поэта Румынии, казалось к тому же святотатственным сомневаться в его правдивости и искренности. В историографии образовался своего рода *circulus vitiosus*, когда историки, чтобы пользоваться сведениями Овидия как достоверными, кивали на литературоведов, устанавливающих «реализм» произведений сосланного поэта. При этом никто не замечал, что реализм этот, в свою очередь, выводился как раз из высказываний историков о достоверности информации Овидия⁷.

Роковую роль в утверждении этой позиции в отечественной историографии сыграли известные и часто цитировавшиеся в этом контексте слова А.С. Пушкина о «ссылных» произведениях Овидия: «В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описаниях чуждого климата, чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!»⁸. От этой оценки до признания «реалистичности» Скорбных песен достаточно было сделать один шаг, и он был быстро и охотно сделан.

Поэтому моей задачей стало развенчание этого мифа о «реализме» Овидия, построенного на недоразумении и упрощенном понимании «реализма» в марк-

⁵ Fitton Brown 1985: 18–22. У Фиттона Брауна был предшественник, чью статью он не упоминает: Janssen 1951: 77–105.

⁶ Hofmann 1987: 23; Hofmann 2001: 8–19; Hofmann 2006: 93–106.

⁷ Подробнее см.: Подосинов 1984: 71.

⁸ Пушкин 1978: 289.

систском литературоведении как «правдивом» описании действительности. Конечно, мне и в голову не приходило сомневаться в реальности пребывания Овидия в Томах. При этом стояла серьезная и мало разработанная проблема оценки поэтического текста как исторического источника. Сразу следовало признать, что от поэта нельзя ожидать «правдивой», «достоверной», а значит, «реалистической» информации. Поэтическое творчество имеет свои собственные (по сравнению, скажем, с историей) законы отображения действительности.

И здесь существенными оказываются три момента.

Первый касается сущности поэтического творчества, сформулированной еще Аристотелем в его «Поэтике»: «Задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможным в силу вероятности или необходимости» (IX, 1451; перевод М.Л. Гаспарова). Согласно этому наблюдению, поэзия отражает жизнь такой, как она могла бы быть, в отличие от истории, где рассказывается, как было на самом деле. Овидий и рисует ссылку такой, какой она должна была бы быть – холодной, варварской, непригодной и опасной для жизни. При этом источниковедческий анализ заключается не в том, чтобы оценить все описания указанных моментов как заведомо ложные, а в том, чтобы при таком анализе быть готовым увидеть в них как поэтическую фикцию, так и зерна достоверной информации.

Второй момент заключается в известной каноничности и стереотипности художественных средств и образов, присущих всем древним литературам. Отсюда – приверженность Овидия уже существующим представлениям о крайнем севере и варварском мире, которые он, естественно, почерпнул из предшествующей римской литературы, в частности из Вергилия. Современному человеку, нацеленному на постоянно «обновляющееся новое», должно показаться странным, что Овидий, прибыв в такое экзотическое для римлян место, как Западное Причерноморье, вместо того, чтобы потрясти римского читателя невероятными подробностями местной жизни, рассказывает о ней хорошо известными словами классиков римской литературы. Но для античного человека не было ничего зазорного спустя 5 или 7 веков пересказывать как реальность, скажем, свидетельства Геродота о современных ему скифах, савроматах и амазонках, хотя и ргоіг ясно, что за это время многое должно было измениться (и, действительно, изменилось) в этногеографии Причерноморья. Так что использование Овидием стереотипных средств для описания арктического скифского климата и скифских нравов в той «Скифии», куда его сослал Август, не обязательно должно свидетельствовать о том, что он там никогда не был.

Третий момент коренится в той особенности поэтического текста, рассматриваемого как исторический источник, что, как правило, основная тема, основное содержание стихотворного текста представляет собой тенденциозное, в разной степени субъективное описание, имеющее малую ценность в качестве

исторического свидетельства. Зато такую ценность имеют второстепенные ремарки, неожиданные замечания, не фиксируемые самим автором оговорки и противоречащие основной тенденции высказывания⁹. Так и у Овидия – при резко тенденциозном (отрицательном) общем описании реалий местной жизни, вызванном желанием поэта разжалобить императора и добиться возвращения в Рим, в некоторых текстах встречаются не замеченные самим Овидием (ведь он писал поэтические письма с Понта на протяжении 9 лет) высказывания, противоречащие общей тенденции. Это касается и климата, и варварского окружения Овидия, и этнолингвистической ситуации в Томах. Как раз анализ этих оговорок показывает, с одной стороны, что Овидий должен был быть сам очевидцем этих событий и его послания в Рим вполне могут рассматриваться как исторический источник, с другой стороны – как нелёгко извлекать реальную информацию из тех поэтических «декораций» Скифии, которые старательно выстраивает Овидий вокруг места своей ссылки.

Думается, как раз эта сложность источниковедческого анализа¹⁰ и стала причиной возникновения теории «скептиков», настаивающих на вторичности многих описаний Овидия. Отвергая ее как в целом ложную и избыточную для объяснения характера этих описаний, считаю, что она была все же полезна для прояснения сущности поэтического творчества вообще и творчества Овидия в частности.

М.Л. Гаспаров, пересматривая в статье «Овидий в изгнании» гипотезы о причинах ссылки поэта, пишет, что каждая эпоха предлагает свое, близкое именно ей, объяснение загадки. Сам автор склоняется к версии, рожденной XX столетием, веком тоталитарных режимов: «никакого проступка вообще не было названо, Овидию сказали: “ты виноват – тебя наказывают; а в чем виноват – ты сам должен понимать”; и все покаяния Овидия так невразумительны именно потому, что он сам не знает, в чем он виноват»¹¹. Эпоха постмодернизма предложила новое объяснение проблемы, в котором Скорбные элегии предстают ни к чему не обязывающей интеллектуальной игрой. Версия об Овидии – радикальном постмодернисте, пожалуй, в большей степени характеризует нашу эпоху, чем объясняет творчество римского поэта.

⁹ См. подробнее об этой проблеме: Wickert-Micknat 1970: 57–70; Rösler 1980: 283–319.

¹⁰ См. подробную критику доверчиво–потребительского, «историцистского» подхода к ссыльной поэзии Овидия, прозвучавшую в полной мере уже после выхода моих книг, в работе Клаассена: Claassen 1988: 158–161.

¹¹ Гаспаров 1995: 449.

РЕЗЮМЕ

Автор приводит аргументы против тезиса, что Овидий никогда не был в ссылке в Томах и его ссыльная поэзия не имеет источниковой ценности.

Ключевые слова: Овидий, ссылка, фиктивная поэзия, источниковедение

HAS OVID BEEN IN EXILE?
Alexander V. Podossinov

The author brings arguments against the thesis that Ovid has never been in exile in Tomi and his exile poetry could not serve as a historical source.

Key words: Ovid, exile, fictive poetry, poetry as historical source

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров М.Л.* 1995: Овидий в изгнании // Избранные статьи. М. С. 440–471.
- Подосинов А.В.* 1984: Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М. С. 8–178.
- Подосинов А.В.* 1985: Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Пушкин А.С.* 1978: Полное собрание сочинений: в 10-ти т. 4-е изд. М. Т. VII.
- Chwalek B.* 1996: Die Verwandlung des Exils in die elegische Welt: Studien zu den Tristia und Epistulae ex Ponto Ovids. Frankfurt am Main et al.
- Claassen J.-M.* 1986: Poeta, exul, vates. A Stylistic and Literary Analysis of Ovid's Tristia and Epistulae ex Ponto. Diss. Stellenbosch.
- Claassen J.-M.* 1988: Ovid's Poems from Exile. The Creation of a Myth and the Triumph of Poetry // Antike und Abendland. 34. P. 158–169.
- Ehlers W.-W.* 1988: Poet und Exil. Zum Verständnis der Exildichtung Ovids // Antike und Abendland. 34. S. 144–157.
- Fitton Brown A.D.* 1985: The Unreality of Ovid's Tomitan Exile // Liverpool Classical Monthly. 10. P. 18–22.
- Hofmann H.* 1987: The Unreality of Ovid's Tomitan Exile once again // Liverpool Classical Monthly. 12. P. 23.
- Hofmann H.* 2001: Ovid in Exile? // Latein und Griechisch in Baden-Württemberg. 2. S. 8–19.

- Hofmann H.* 2006: Ovids Exildichtung und die Frage nach der Historizität der Verbannung // Ovidiusz: twórczość, recepcja, legenda / B. Milewska–Ważbińska, J. Domański. Warszawa. S. 93–106.
- Janssen O.* 1951: De Verbanning van Ovidius. Waarheid of fictie? // Janssen O. Uit de Romeinse Keizertijd. s-Hertogenbosch. P. 77–105.
- Little D.* 1990: Ovid's Last Poems: Cry of Pain from Exile or Literary Frolic in Rome? // *Prudentia*. 22. P. 23–39.
- Podossinov A.* 1987: Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets (XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen, 19). Konstanz.
- Rösler W.* 1980: Die Entdeckung der Fiktionalität in der Antike // *Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaften*. 12. S. 283–319.
- Wickert–Micknat G.* 1970: Dichtung als historische Quelle // *Saeculum*. 21. S. 57–70.

